

— Цзиньань, твой отец уходил в столицу и еще не вернулся, не соизволишь ли ты сначала размяться с матушкой? — Едва затихли слова, как красивая женщина перемахнула через карниз и, занеся большую саблю, бросилась прямо на девушку по имени Цзиньань.

Девушка, звавшаяся Цзиньань, с мечом в руках отпрыгнула в сторону, и ее клинок соскользнул по лезвию сабли. Отразив удар, она встала в защитную стойку, а красивая женщина тем временем уже опустилась на ветку столетнего дерева во дворе и теперь с легкой улыбкой смотрела на дочь.

— Мам, если ты решила со мной размяться, почему не выбрала оружие поудобнее?

— О? Оружие поудобнее? Цзиньань, твой отец — великий генерал Чжань Су — еще неизвестно, смог бы со мной тягаться, а ты и сама пока не достигла мастерства в обращении со своим главным оружием. Если я возьму саблю, это ведь будет честно, разве нет?

Эта прекрасная женщина приходилась женой генералу Чжань Су, была лучшим мастером стрельбы из лука времена и нур, Божественным Луком Цзинью — Шань Юньсю. А эта лучезарная девушка — их единственной дочерью, общим ребенком генерала Чжань Су и прославленной воительницы — Цзинхун семьи Чжань.

Чжан Цзиньань беспомощно вздохнула и произнесла:

— Мам, вообще-то отец просто уступает тебе. Разве это всерьез?

Шань Юньсю взмахнула саблей сверху вниз, стремительно приближаясь к дочери:

— Принимай удар!

Цзиньань отпрыгнула на мощный галькой участок и стала отступать, отражая выпады Шань Юньсю. Не касаясь ногами земли, Шань Юньсю использовала меч дочери как опору и непрерывно давила на нее, не позволяя той перехватить инициативу. Цзиньань мысленно выругалась: положение было невыгодным, но все же не безвыходным. Подумав об этом, она перестала отступать, подставилась под прямую атаку матери и, делая вид, что больше не может сопротивляться, стала плавно отклоняться назад почти до самого пола.

Заметив, что тело дочери почти прижалось к земле, Шань Юньсю невольно возгордилась. Ах ты девчонка, твоя матушка дралась куда чаще, чем ты тренировалась! С таким крошечным мастерством на поле боя соваться рано.

Пока она предавалась этим мыслям, ее натиск только ускорился. Но она никак не ожидала, что в тот самый миг, когда тело Цзиньань почти коснется земли, та резким движением уклонится от удара саблей, ударит мечом о плашмя клинок матери и, используя эту инерцию для разворота, взмоет в воздух, очутившись прямо за спиной Шань Юньсю.

— Мам, исход не решен до самого конца, неужели ты забыла?

Сабля Шань Юньсю вонзилась между камнями гальки, едва не задев землю. Цзинъань протянула руку, чтобы подхватить мать, но та неожиданно использовала эту опору, резко развернулась и шлепнула ладонью по плечу дочери. Чжань Цзинъань застали врасплох, и она рухнула прямоком на участок с хрупкими ледяными пластинами.

— Исход не решен до самого конца — матушка-то не забыла, а вот ты, похоже, вечно об этом помнишь? — Шань Юньсю сияла улыбкой.

Цзинъань приземлилась на ледяные пластины, и ее ноги тут же заскользили. Не давая ей ни секунды на передышку, Шань Юньсю тут же бросилась в атаку. Цзинъань швырнула свой меч в сторону — он со звонком вонзился в оружейную стойку, задев отрезок тяжелой девятизвенной цепи, которая тут же надежно легла ей в ладонь. Обе завязали яростную, не на жизнь, а на смерть схватку прямо на ледяном покрытии.

— Неплохо, неплохо. Если ноги скользят и стойка неустойчива, самое время переключиться на гибкое оружие вроде хлыста: точность тут ни к чему, зато связать противника по рукам и ногам удастся на славу.

— Раз матушка решила жульничать, Цзинъань ничего не остается, кроме как вцепиться мертвой хваткой.

Они продолжали преследовать друг друга, переместившись с ледяного участка на плиты из селадона, а оттуда — в густые заросли колючего кустарника. Обменявшись бесчисленными ударами, Цзинъань сменила оружие на пары коротких эмейских спиц. К этому моменту за время боя она сменила уже с десятков различных видов оружия. Хотя переломить ход поединка в свою пользу ей не удавалось, в грязь лицом она тоже не ударила.

— Цзинъань, за эти десяток с лишним лет ты действительно приложила немало усилий к освоению самого разного оружия.

— Есть еще одно оружие, которое должно заслужить одобрение матушки.

— Хорошо, тогда посмотрим, достаточно ли ты квалифицирована.

С этими словами обе схватили по луку со стойки, достали стрелы и навели их друг на друга. Лук, которым пользовалась Шань Юньсю, был выполнен из темного дерева и украшен золотым тиснением; по обеим сторонам были вырезаны полупрозрачные золотистые крылья, тетива отливала бледно-золотым, а на внутренней стороне лука едва проступали вырезанные традиционными иероглифами слова — Цзинью. Лук же в руках Цзинъань был ярко-красным, как осенний клен, края оплетали несколько белоснежных перьев, а тетива белела чистейшим снегом.

Обе одновременно прицелились и отпустили тетивы. Две, четыре, шесть стрел сорвались с мест одновременно. Первая пара столкнулась и рухнула на землю; стрела Шань Юньсю расколола стрелу Цзиньань пополам, и обе они упали вместе. Третья пара отклонилась от траектории — две стрелы неожиданно пронеслись в опасной близости друг от друга, устремившись прямо к застигнутым врасплох противникам.

В мгновение ока, быстрее искры от кремня, длинное копьё с красной кистью рассекло воздух и нацелилось прямо на летящие стрелы. Раздался лишь свист рассекаемого ветра, и обе стрелы разом переломились посередине, разлетевшись в разные стороны.

— Отец! — лицо Цзиньань озарилось радостью, и она громко воскликнула.

Фигура в черном взмыла в воздух, перехватила летящее копьё с красной кистью и твердо приземлилась на землю. Этим черным силуэтом оказался второй из клана Чжань, нынешний глава Железно-Кровавых Цзинхун, великий генерал Чжань Су. Он был облачен в черное одеяние, его волосы были собраны и завязаны высоко на затылке, черты лица казались резкими и глубокими, скулы осунулись, а одну из бровей пересекал шрам. Со строгим выражением лица он взмахнул копьём, устремившись прямо на Цзиньань.

Картина несущегося на нее с копьём отца отразилась в глазах Цзиньань словно взрыв. В тот же миг ее пронзила мысль: это отцовское испытание, и если ей удастся преодолеть этот барьер... В мгновение ока копьё с красной кистью оказалось перед ней. Холодный блеск наконечника слепил глаза; уклонившись в сторону, Цзиньань голыми руками отразила три отцовских удара, но ее оттеснили к самому краю — до оружейной стойки оставалось всего на два кулака. Выставив ладонь вперед, Цзиньань толкнула стойку, и оттуда со звоном вылетело серебряно-белое длинное копьё, украшенное кистями из красного агата и граната. Она стремительно перевернулась в воздухе, подхватила копьё и направила его прямо на Чжань Су, в лоб отразив его свирепый выпад.

Хм, неплохо. Но с таким уровнем мастерства еще рано думать о вступлении в Армию Цзинхун и выходе на поле боя. Даже если ты — моя, Чжань Су, дочь.

Чжань Су то хвалил, то делал паузы, переходя в новое наступление. На этот раз он не вложил в удар и десятой доли силы, но и этого хватило, чтобы Цзиньань взвыла от напряжения. Она отступила разом на пять шагов, наклонила корпус вперед, откинула назад ногу и уперлась в тяжелую оружейную стойку весом в несколько сотен цзиней — лишь параллельно вытянув тело над землей, ей удалось с трудом погасить инерцию отступления. Она упрямо думала: если она будет все время пятиться назад, то когда же сможет заслужить право выйти на поле боя? Разумеется, нужно рискнуть всем!

— Отец, я непременно попаду в Армию Цзинхун, и на поле боя... я тоже отправлюсь!

Чжань Су на секунду ослепило сверкание острого наконечника копья, и он невольно подумал: что? В то же мгновение Цзиньань оттолкнулась ногами от оружейной стойки, опершись о землю наконечником копья, взмыла в воздух и опустилась прямо на древко копья Чжань Су.

— Мм? — Чжань Су оказался застигнут врасплох столь неожиданным поворотом, изменившим ход схватки. Он с усилием дернул копьё вверх, и Цзинъань, используя эту силу, перепрыгнула за спину отца, толкнув свое копьё вперед...

Шань Юньсю уперла руки в боки, глядя на побитых и испачканных грязью отца с дочерью, которые лежали прямо на песчаной земле, и поддразнила их:

— Ну как? Натешились вы вдоволь, отец и дочка?

Только что прошедший поединок можно было назвать ожесточенным: Техника копья Цзинхун против Техники копья Цзинхун. Если бы всё пришлось повторить сначала, Шань Юньсю с удовольствием притащила бы табуретку, прихватила семечек со сладостями и посмотрела бы представление еще разок.

— Цзинъань все же уступает в мастерстве, — Чжань Су и Цзинъань поднялись на ноги, и дочь ответила сама.

— На этот раз испытание засчитано, ты прошла, — бесстрастно произнес Чжань Су, убирая копьё за спину.

Цзинъань обрадовалась, вцепилась в полу халата отца и выпалила:

— Правда? Тогда когда же мы выступаем к Трём Опасным Заставам?

— Сейчас же.

— Так быстро?

Чжань Су протянул Цзинъань изящно оформленное приглашение:

— К Трем Опасным Заставам отправляемся мы с твоей матушкой. Тебе же предстоит отправиться в Долину Хаожань.

Приняв приглашение, Цзинъань совершенно ничего не поняла и спросила:

— В Долину Хаожань?

— Верно. Возьми приглашение из Долины Хаожань и отправляйся на смотр в их новую усадьбу — Усадьбу Лунный Лавр.

Цзинъань внимательно разглядывала пригласительный билет. Обложка была исполнена

крайне оригинально: картина водянистых чернильных гор сливалась с серебряными переливами, а вековой османтус был покрыт золотым тиснением. На развороте обнаружилась аккуратно вложенная изящная черненная закладка из железа в форме меча с синей кисточкой, а внизу острым мелким шрифтом были проставлены почетное звание гостя, время и место встречи. Внизу красовалась подпись Долины Хаожань — лаконично, величественно и изысканно.

— Ты хочешь, чтобы я поехала вместо тебя на смотр новой загородной усадьбы Долины Хаожань? — поинтересовалась Цзинъань.

Чжань Су протянул дочери ничем не примечательное письмо:

— Это второстепенно. Самое главное — ты должна доставить это секретное письмо главе Долины Хаожань — Чжао Сюньюаню.

Цзинъань удивилась:

— Разве нельзя поручить такое дело кому-нибудь другому?

Чжань Су покачал головой:

— Цзинъань, дело чрезвычайной важности. Отец долго думал и пришел к выводу, что поручить его тебе — сейчас самый правильный выбор. Это секретное письмо связано не только с Армией Цзинхун нашего клана Чжань, оно имеет колоссальное значение и для Армии Ханхай семьи Лэн, и для Резиденции Цилин в Чанъане. Мы с твоей матерью спешим к Трем Опасным Заставам. Доставив письмо, не предпринимай опрометчивых шагов, оставайся в Цзянху и жди наших вестей.

Глядя на сжимаемое обеими руками тайное послание без единой подписи, Цзинъань почувствовала, как в груди внезапно поднимается волна горячего трепета — одновременно щемящего и радостного. Это было ее первое задание в качестве бойца Армии Цзинхун семьи Чжань. Бесценное, неизмеримо важное, не имеющее равных. Ей хватило сил выдавить из себя лишь одно слово:

— Хорошо.

Шань Юньсю похлопала дочь по плечу, неожиданно смягчившись:

— В Цзянху опасно не меньше, чем на поле боя, будь осторожна. Позже, когда придет время, встретимся на поле брани.

Цзинъань серьезно кивнула. Заметив проскользнувшую в глазах матери тревогу, она беззаботно произнесла:

— Мам, не переживай. Не один десяток императорских лекарей предрекал, что я вряд ли дотяну до шестнадцати, но теперь мне уже шестнадцать. Раз уж Царь Мертвых не пожелал забрать меня тогда, смею надеяться, и сейчас не посмеет. К тому же учитель говорил: стоит лишь довести до совершенства Меч Найхэ и наладить циркуляцию внутренней энергии, как недуг больше не вернется.

Шань Юньсю на мгновение замерла. Как раз в этот момент лучи солнца упали на белое лицо дочери, и ей вдруг показалось, что глаза её девочки сияют так ярко, будто впитали в себя всё солнце целиком.

— К тому же, техника копья Цзинхун, что я только что показала, не так уж плоха, — Цзинъань склонила голову набок, а ее ямочки на щеках наполнились лучистым сиянием, и она хихикнула: — Жаль только, что дедушки с бабушкой нет в поместье, а то мне так хотелось послушать, как они меня похвалят.

Цзинъань была всеобщей любимицей, заветной жемчужиной Чжань Су и Шань Юньсю, но отец нес тяжелое бремя, и они с матерью проводили на поле боя куда больше времени, чем дома. Поэтому воспитанием девочки с младых ногтей занимались старый генерал с супругой. Даже технике копья Цзинхун ее обучал дед, шаг за шагом передавая приемы, в то время как Чжань Су лишь изредка, выкроив свободной минутки, давал наставления. Сейчас она вспомнила об этом как из-за юношеского нетерпения покрасоваться перед дедушкой и бабушкой, так и оттого, что сильно соскучилась по старикам, оберегавшим ее взросление.

Шань Юньсю легко щелкнула дочь по бледно-розовой щечке и с улыбкой вздохнула:

— Ах ты, проказница.

— Ох, кстати, ведь этот глава долины Чжао — старший брат нынешнего главы Союза Цзянху, а сам глава союза — редчайший в боевых искусствах талант, — с улыбкой заметил Чжань Су. — С твоим-то характером смотри не бросайся вызывать его на бой при первой встрече и не проявляй легкомыслия.

Цзинъань надула щеки и капризно протянула:

— Отец! Неужели твоя дочь похожа на человека, способного бездумно проявлять легкомыслие и импульсивность?

Чжань Су с совершенно серьезным лицом кивнул без малейших колебаний:

— Разумеется. К тому же эта одаренная глава союза Чжао всего на два года старше тебя.

— А? — Цзинъань на миг замерла, в ее глазах мелькнуло любопытство, и она улыбнулась: — Что ж, тогда мне еще сильнее захочется взглянуть на эту главу союза.

Чжань Су улыбнулся:

— Перед уходом я велел Ю Цзяну приготовить коней, так что они уже должны быть готовы. Приведи себя в порядок и отправляйся немедленно.

— Цзинъань повинуется!

Девушка уже развернулась было уходить, как Чжань Су окликнул ее вновь. Обернувшись, она вопросительно посмотрела на отца. А в душе Чжань Су тем временем бушевала буря: ему так хотелось выложить дочери все до единого секреты и тонкости воинского ремесла, познанные им за полжизни кровавых битв! Но весь его опыт и все знания были добыты в реальных сечах. Без смертельных схваток, без купания в крови, без возвращения с порога загробного мира разве можно по-настоящему постичь их?

Поразмыслив, Чжань Су оставил ей лишь двенадцать слов:

— Цзянху — то же поле боя, никому и никогда не доверяй слепо.

Эти слова Цзинъань запомнила на всю жизнь: благодаря им она избежала смертельных опасностей, и благодаря им же к ней приходила удача. С давних времен горе и счастье идут рука об руку — ну что ж, пусть так.

<http://bllate.org/book/19522/1913965>